

Новая газета,
1998, — 79-15 февраль
— с. 1, 2

В конверт

Еженедельник • 9 февраля

Фазиль ИСКАНДЕР:

Самогонный аппарат русского языка

Слово о Пушкине

Пушкин! С самим именем Пушкина у нас невольно связывается вздох облегчения, улыбка. Какое легкое имя возшло над тяжелой и неуклюжей Российской империей!

Для читающей России Пушкин своими солнечными стихами, можно сказать, утеплит ее климат. У веселого пушкинского очага мы греемся и сегодня, потому что ничего теплее Пушкина не было в русской культуре, не говоря о ее истории.

И мы уже мистически знаем, что ничего теплее пушкинского очага у нас и через тысячи лет не будет. Почему? Потому что после Пушкина у нас были величайшие гении — Гоголь, Толстой, Достоевский и другие. Но при всей гениальности никто из них не достигал никогда пушкинской гармоничности и теплоты.

Два ярких, счастливых впечатления детства у меня связаны с именем Пушкина. Напомню конспективно, потому что я о них уже писал.

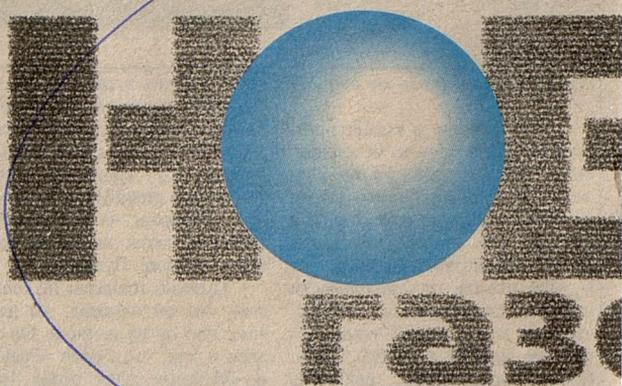
Александра Ивановна, наша старая учительница первых классов, читает нам «Капитанскую дочку». Как уютно было ее слушать, с какой невероятной радостью я ожидал появления Савельича, как хохотал над его вечно бунтующей преданностью. Преданность Савельича бунтовала за право быть еще преданней. Его преданность доходила до того, что с невероятной комичностью отселяла сам объект преданности, и барин Петруша ничего с этим не мог поделать, потому что это был бунт любви, бунт наоборот. «Капитанская дочка» — это два бунта: бунт ненависти и бунт любви, чего еще, кажется, не заметила критика. И все главные герои осуществляют эти два бунта.

Цветаева, делясь своими детскими дореволюционными воспоминаниями о чтении «Капитанской дочки», говорила, что у нее дух захватывало от восторга каждый раз, когда появлялся Пугачев. Только ли дело в том, что она сама была замечательным романтическим поэтом? Не было ли заложено в крови россиян ожидание великого разбойника, который каким-то своим таинственным путем установит таинственную справедливость? И дождались.

Но я-то читал этот роман, когда малые и большие Пугачевы правили страной, и хотя сознательно, конечно, этого не понимал, но бесосознательно, поэтически был равнодушен к Пугачеву и любил Савельича.

Другое впечатление связано с моим детским, случайным чтением на обложке тетради «Песни о Вещем Олеге».

(Окончание на стр. 2)

ПОНЕДЕ

Теперь все знаю Клинтон не только

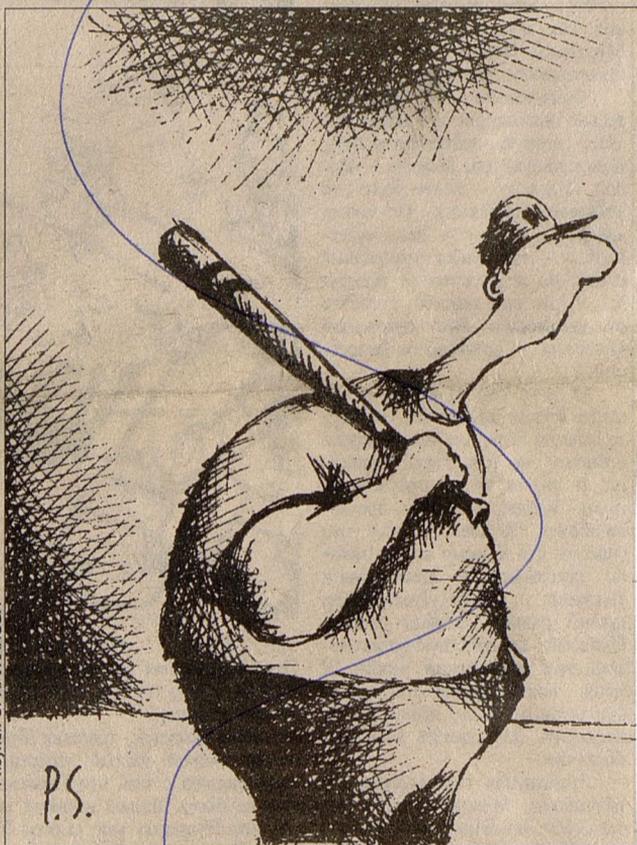

Рисунок С. АРХАНОВА

Клинтону надо бы поддерживать штаны, а не рейтинг. В принципе если бы друг Билл, как россияне, потуже затянул пояс, его брюки не падали бы при первом же волнении. А это привело бы к международной стабильности.

Вообще ситуация не лишена комичности. Представьте, что было бы, если бы взяли за привычные семейные конфликты. В мире не стихали бы ударов, и в ствительно стало. Как на кладбище. Справедливее Клинтону вызвать

ГЕРОЙ НОМЕРА

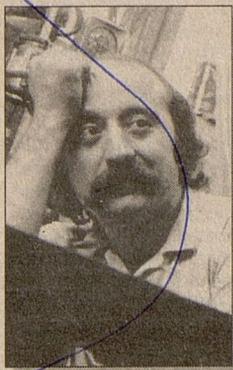
рассказ о людях, которые делают то, что другие считают невозможным

Его называют кубанским Фаберже, на что он категорически обижается. Не потому, что он первый в своей профессии. Он — единственный.

«Золотыми руки делает умная голова» —

очерк о Михаиле СМАГЛЮКЕ, волшебнике из Краснодара

на стр. 5

М
ствен
адрес
Та
годы
тическ
лию Ч
боту в
Петер
схемы
тных
ственн
«Б
которь
И
нием
«курат
клик
семи
ларац
имет

Расс
ва и

(Окончание. Начало на стр. 1)

Мне повезло, в комнате никого не было, и мне не стыдно было плакать сладостными слезами над судьбой Вещего Олега. Мне было безумно жаль его, и я плакал, но отчего же слезы были сладостны? Видимо, от музыки стихов, от правильности правды случившегося, оттого, что сам конь, живой конь все-таки не виноват в гибели Олега. Опять преданность оказалась незапятнанной. И еще, видимо, — от впервые понятого детского сознанием, что от судьбы не уйдешь. Тогда я в первый раз столкнулся с веществом поэзии в чистом виде и на всю жизнь был потрясен этим.

Пушкин не только навсегда остался лучшим поэтом России, но он и создатель первых лучших образцов русской прозы. Он так же предугадал многие великие мысли грядущих эпох.

Знаменитое изречение Достоевского относительно слезинки ребенка и всемирного счастья разве не восходит к «Медному всаднику», к несчастной судьбе обезумевшего Евгения? Пушкин молча выставил труп бедного Евгения на пути цивилизации и молча сказал:

— Перешагните, если можете. Я не могу.

Лев Толстой, не раз примерившийся к прозе Пушкина, иногда ворчал: мол, слишком просто, слишком голо, но кончил как художник — «Хаджи-Муратом», вещь пушкинской прозрачности и простоты.

Сознательно или бессознательно настоящий художник создает вторую действительность, помогающую нам выжить в первой. Я думаю — более всего это удавалось Пушкину. По-моему, «Мороз и солнце — день чудесный...» — не только прекрасные стихи, но и средство от простуды, и, что еще важнее, средство от депрессии. Все творчество Пушкина — средство от депрессии.

И хотя сам Пушкин в поздних стихах писал, что «на свете счастья нет», мы имеем право добавить: но есть стихи Пушкина, и это не будет преувеличением. Точнее, большим преувеличением. И тем прочнее это счастье, что к нему всегда можно прикоснуться, сняв томик Пушкина с полки. Думаю, при прочих равных условиях чтение Пушкина способствует долголетию, как альпийский воздух. У меня такое впечатление, что пушкинисты долго живут. Надо проверить. Но сделать это надо тактично.

Знаменитая пушкинская отзывчивость. Можно сказать: ничего себе отзывчивость — брал у всех! Что делать, для гения все плохо лежит. Он берет чужое, чтобы придать интересным замыслам большую устойчивость. Интересно, но плохо лежит. Так и мы бокал, стоящий у краешка стола, бессознательно передвигаем к середине. При этом отпив из него, если он не пустой.

Да, брал у всех, но всегда делал лучше, чем те, у кого брал. Так что смело можно посоветовать современным поэтам: и вы берите у Пушкина! Например, сюжет «Медного всадника». Остается самая малость — написать лучше.

Шедрость художника — источник его обаяния. Человек, который на просьбу дать яблоко сует нам полдюжины яблок, делается приятен как бы независимо от яблок. Обаятельный человек, большой оригинал.

Необычайная особенность пушкинской поэтической шед-

рости состоит в том, что он своей безумной щедрости придавал видимость трезвой нормы. Некоторые послепушкинские поэты замечали эту видимость трезвой нормы, но стоящую за ней безумную щедрость не воспринимали. Бедняги, никак не могли понять, чем они хуже Пушкина.

Пушкин гениален не только в том, что он написал, но даже в том, чего он не написал. Он гениален в том, что сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ» отдал именно Гоголю. Скажем прямо — так Пушкин об этом не мог бы написать, здесь Гоголь был сильнее. И Пушкин это понял. Но какая интуиция, какая общенациональная литературная стратегия! И сам Гоголь ничего лучшего не написал, чем эти вещи. Такое впечатление,

зирует новые мертвые души. Но шутки в сторону.

При всем том, что Пушкин не явился на голом месте, величайший скачок поэзии с появлением Пушкина есть необъяснимое чудо. При необыкновенном богатстве русской поэзии это чудо больше не повторилось. И нет ли в творениях Пушкина высшего знака для нас?

Есть. Но есть и загадочность Пушкина как великого национального поэта. Тяжелая глыба империи — легкий, подвижный Пушкин. Темная, запутанная история России — ясный, четкий Пушкин. Тупость огромного бюрократического аппарата — ненатужная мудрость Пушкина. Бедность умственной жизни —

Фазиль ИСКАНДЕР

Самогонный аппарат русского языка

Рисунок А. ПУШКИНА

Пушкин-гейзер, брызжащий оригинальными мыслями. Народ все почесывается да почесывается, а Пушкин действует и действует. Холодный, пасмурный климат и Пушкин — очаровательная средиземноморская теплота даже в описаниях суровой зимы.

Не правда ли, странный национальный гений? Но так и должно быть. Национальный гений, я думаю, бессознательно лечит нацию и культивирует в ней свойства, которые ей необходимы, но находятся в зачаточном состоянии. Однако, читая Пушкина, мы немолжно восклицаем вместе с ним:

— Здесь русский дух!

Это прежде всего его изумительный русский язык. Такое впечатление, что он пропустил его через грандиозный самогонный аппарат, возле которого дежурила Арина Родионовна, уже слегка принявшая и от этого преувеличенно бдительная. И хотя Пушкин создал русский литературный язык для всех будущих поколений писателей, но первач, уж извините, выпил он сам. Так, незаметно, за сказками Арины Родионовны. И оставшегося хватило на великую литературу, но первач неповторим.

Пушкинская улыбочность, пушкинская бодрость, пушкинская мудрость, его обузданная вольность, даже плодоносная грусть — не вооружают ли они нас мужеством и надеждой, что в печальную историю нашей страны в конце концов прольется пушкинская гармония? Можно ли поверить, что явление Пушкина — случайная игра генов, некий коктейль природы из горячей Африки и холодной России?

Такое скопление великих талантов в одном человеке не может быть случайным, а может быть только путеводной звездой, как не может быть случайностью разумность человека вообще и разумность Пушкина в особенности.

что Гоголь, обожествлявший Пушкина, сделал все, чтобы доказать Пушкину, что он был достоин его доверия.

Мне думается, трагедия Гоголя со второй частью «Мертвых душ» связана с тем, что Пушкина уже не было. Только великий авторитет Пушкина мог спасти Гоголя. Пушкин мог бы ему сказать:

Я тебе не давал замысел на второй том «Мертвых душ». Ты все прекрасно написал, и больше этого не надо касаться. Иначе можно сойти с ума.

Но, увы, Пушкина уже не было, а Гоголь сам не догадался, что замысел исчерпан. Его занесло на пицце-тройке и уже чуть-чуть в первой части заносило.

Еще при жизни Пушкина Гоголь писал, что Пушкин — это русский человек в полном развитии, каким он явится на свет через двести лет. Ждать осталось недолго. Как раз к новым выборам нового президента. Надо бы этого русского человека в полном развитии и выбрать в кандидаты по рекомендации Гоголя. Но что-то его не видно. Или погорячился Гоголь, или со своей стовенной ему чертовщинкой подсунет нам нового Чичикова, который окончательно привати-

● P.S. Свое «Слово о Пушкине» Фазиль Искандер произнес при вручении ему очередной (заслуженной!) литературной премии, состоявшейся накануне 6 февраля.

Пушкин столь многое значит для всех, что говорит по-русски, что мы охотно и радостно отмечаем как день его рождения, так и (что удивительно, на первый взгляд) день смерти. Действительно — «веселое имя Пушкин»!

Но, может быть, день смерти поэта, ставший началом его бессмертия, даже важнее как

дата. Что же касается приближающегося пушкинского двухсотлетия, этот славный юбилей вызывает у нас некоторую тревогу. За Пушкина.

Как известно, самодержец Николай I предлагал Александру Сергеевичу быть его личным цензором (заметьте, не редактором и не составителем), а вот президент Ельцин пошел дальше, написав свое предисловие к академическому (!) собранию сочинений Пушкина (об этом см. «Новую газету» № 23, 1997). То ли еще будет в 1999-м!